

Н. А. СЫРОМЯТНИКОВ

КАК ОТЛИЧИТЬ ЗАИМСТВОВАНИЯ ОТ ИСКОННЫХ ОБЩНОСТЕЙ
В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ?

Какие бы сомнения ни возникали относительно генетических связей алтайских языков, никто не вправе сомневаться в том, что в каждом из них имеется некоторое число как древних, так и более новых заимствований. Противники алтайской гипотезы пытаются даже объявить все общие для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков полнозначные и грамматические морфемы заимствованиями. Однако при этом игнорируется огромный материал корейского и японского языков, фиксируемый с довольно древней эпохи (японский с VIII в.), прекрасно лингвистически изученный и фонетически интерпретированный¹. Мнение Е. Д. Поливанова о гибридном (алтайско-малайском) происхождении японского языка ныне подтверждается сотнями вновь найденных общностей, не говоря уже о большом типологическом сходстве как в общем плане (алтайский порядок слов), так и в деталях.

Казалось бы, прежде чем объявлять какое-либо слово заимствованием из тюркского в монгольский (или наоборот), надо проверить, не зафиксировано ли оно в древних памятниках японского и корейского языков. А. Рона-Таш приводит 15 соответствий между тюркскими и монгольскими названиями частей тела, считая их заимствованиями из тюркского потому, что в монгольском их значение уже; для названий той же части тела есть другие, «собственно монгольские» слова². Например, Т³ *qil* «волос» ~ М *kilyasun* «конский волос», но М *hüsün* «волосы». Добавим: К *кальги* «грива» (метатеза гласных), Та *kiling* «грива», *kilikili* «подмышки», *kilay* «ресницы», Э *келгахун/килгахун* «конский волос» (из М), *келаман* «ресница», ДЯ *kë/ka-* «волосы». Выходит, что сужение значения объясняется особым суффиксом (-*yal-gu/-iq*). Можно считать, что протояпонский язык (по-видимому, под влиянием субстратных языков, имевших только открытые слоги) утратил конечнослоговые согласные. Якут. *кыл* «конский волос»⁴ показывает, что значение «волос» могло сузиться и на тюркской почве (если бы якут. *кыл* было заимствованием из монгольского, оно сохранило хотя бы один суффикс). Как видно, морфология остается самым слабым местом в алтаистических штудиях. Так, А. Рона-Таш, известный монголист, не делит монгольские слова на морфемы дефисом, хотя сравнивать можно не слова в целом, а только общие в них морфемы. Отсутствие такого деления является крупным недостатком «Этимологического словаря

¹ «Jidaijetsu-kokugo-daijiten, jōdaihen», Tōkyō, 1967. В этом словаре зафиксировано около 20 000 древнеяпонских слов, из них 6500 записаны по слогам; произношение остальных известно по словарям X в.

² А. Р о н а - Т а ш, Общее наследие или заимствования?, ВЯ, 1974, 2, стр. 34.

³ Принимаются следующие сокращения: ДЯ — древнеяпонский (VI—VIII вв.), И — индонезийский, К — корейский, М — среднемонгольский, Ма — маньчжурский, СК — среднекорейский, скр. — санскрит, Т — древнетюркский, Та — тагальский, Ту — тунгусо-маньчжурский, Э — эвенкийский, Я — японский (после IX в.).

⁴ «Якутско-русский словарь», под ред. П. А. Слепцова, М., 1972.

русского языка» М. Фасмера, а также и «Древнетюркского словаря» (хотя последний не ставит себе этимологических задач, этимологи его используют). Что касается гласного в *kë* «волосы», то ДЯ *ë/a-* примыкает к *Ка* и *Эе*. Обычно же *Т ke/ki ~ ДЯ ki* : *Т kel/kil* «приходить» ~ ДЯ *ki* «приходя», *Т kej-/kij-* «надевать» ~ ДЯ *ki* «надевая», но *Т kir-* ~ ДЯ *ir-* «входить»; *Т qï ~ ДЯ kï* : *Т qïšï-l* «теснина; ущелье» ~ ДЯ *kïsi*, *К кисы(ль)к* «берег (реки)»; *Т qïraγu* «иней» ~ ДЯ *kïri* «туман» (буквой *i* обозначается *i* или *ï* после тех согласных, после которых в ДЯ они уже не различались⁵).

Можно понять «антиалтаистов», для которых подобные сопоставления нежелательны, так как они опровергают положение о появлении всех общностей в результате заимствований. Но почему сторонники алтайской теории игнорируют японский материал, это понять труднее⁶. Видимо, им трудно безошибочно выбрать из японско-русских словарей древние слова, обойдя китаизмы, которых там около половины⁷ (а в корейско-русских — еще больше). Немудрено, что лингвисты, берущиеся за сравнение корейских и японских морфем с алтайскими или индоевропейскими без знания иероглифики, рискуют принять за японский корень заимствование из китайского⁸ или не учесть того, что двумя иероглифами обычно пишется сложное слово. Так, *Я natae* «имя» сравнивают с скр. *nātān*⁹, упуская из вида, что *natae* состоит из двух корней: *na* «имя» и *tae* (<*tare*) «перед». Однако ДЯ *na* «имя» может восходить к о д н о с л о ж н о м у индоевропейскому слову, например, к тохарскому *лот*. Считая сходство между японским *natae* и немецким *Nate* случайным совпадением, Мураяма Ситироо возводит *na* к двусложным словам индонезийских языков¹⁰. Однако нет других примеров сокращения при заимствовании в японский двусложных слов в односложные, которых в древнеяпонском было всего несколько десятков. Из 43 малых языков Филиппин только два имеют односложное слово *ngan* «имя»¹¹, которое можно было бы сопоставить с ДЯ *na*, но только при условии, что *ŋ*- дает в японском *n-*, а не *g-*. Но ср. *Я gabugabu* «большими глотками» ~ *Та ngabngab* «поглощение пищи с жадностью», *Э gabu-* «напиться; выпить»¹²; *Я gatigati* «дрожь; лязгая; жадно» ~ *Та ngatngat* «обгрызание; обглаживание; клев»; *Я gasagasa* «шелестя» ~ *Та ngasngas* «шум; крик»; *Я garagara* «пусто; стуча; погремушка» ~ *Та ngalangngalang* «гортань»¹³, т. е. тагальское *ŋ* ~

⁵ См.: Н. А. Сыромятников, Древнеяпонский язык, М., 1972, § 7 («Система гласных фонем»).

⁶ Так, в «Очерках сравнительной лексикологии алтайских языков» (Л., 1972) приведен только один (!) японский пример, хотя из имеющейся литературы на русском и английском языках можно было извлечь сотни морфем, сопоставимых с изучаемыми в этой ценной (в других отношениях) работе.

⁷ «Большой японско-русский словарь» под ред. Н. И. Конрада (1—2, М., 1970) указывает на санскритизмы и заимствования, сделанные в последние века, но не отмечает специальной пометой китаизмы, так как японисты отличают их легко (по конечно-слоговым *-N*, *-k*, *-t*, обилию палатализованных и долгих).

⁸ См.: Ст. М л а д е н о в, Смесиат алтайско-индоевропейски характер на японски език и неоспоримото наличие на алтайски и индоевропейски елементи в японски, «Сборник в чест на акад. А. Теодоров-Балан», София, 1955, где примерно половина приведенных японских слов — китаизмы. Но основная мысль статьи правильна.

⁹ См.: А. Б. Д о л г о п о л ь с к и й, Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964.

¹⁰ М у р а я м а S h., Nihongo-no gogen («Японские этимологии»), Tōkyō, 1974, стр. 69—71.

¹¹ «Philippine minor languages. Word lists and phonologies», ed. by L. A. Reid, University of Hawaii Press, 1974, стр. 107.

¹² Г. М. В а с и л е в и ч, Эвенкийско-русский словарь, М., 1940, стр. 29.

¹³ М. К р у с, С. П. И г н а ш е в, Тагальско-русский словарь, М., 1959, стр. 222—223.

Я *g-*. Точно так же ср. -кит. *ɣ-* дает в японском *g-*, а не *n-*: *ɣи «5» > ДЯ *go*, *ɣи (название диалекта района Шанхая — Нанкина) > *go* (совр. пек. *У*) и др. Надо иметь в виду при этом, что в древнеяпонском вообще не было начальных звонких. Ономатопоэтические слова в этом отношении отличаются от других. Но в старых текстах их очень мало.

С большей тщательностью, чем это делается сейчас, надо сравнивать алтайские корни с китайскими. Для морфем, заимствованных, как можно думать, давно, надо брать не формы современного пекинского диалекта, утратившего все конечные согласные (кроме *-n* и *-ŋ*), а реконструированное древнекитайское (или среднекитайское) произношение, как это сделал С. Е. Яхонтов для «Древнетюркского словаря»¹⁴. К сожалению, наши тунгусоведы продолжают сравнивать общетунг. *mō* «дерево» с современным китайским *му*¹⁵, хотя *му* < *tuk, что с очевидностью доказывают К *мок* и Я *токи* (из кит.)¹⁶. Скорее *mō* — слово общеалтайское: *mō* ~ ДЯ *mōri* «роща», К *те* (< СК *тоу*) «гора»¹⁷, М *to-dun* «дерево», а если учесть, что в тюркском языке «неудобные» в анлауте сонанты нередко передвигались внутрь слова, то и Т *orman* «лес».

В журнале «Вопросы языкознания» № 2 за 1974 г. напечатаны три важные статьи по алтайской проблеме¹⁸, без учета которых вряд ли можно писать по этому вопросу в дальнейшем. Некоторые их положения, однако, требуют уточнения.

Л. Г. Герценберг поднимает важный вопрос, когда говорит как о необходимом шаге при этимологизировании о «фонетическом переведении, перекодировании слова или другой единицы по звуковым законам — на родственные... языки и поисках сконструированной единицы в сравниваемом языке» (ЛГ, стр. 50).

Признавая правильность такого метода, надо сделать существенную оговорку: он работает при условии совпадения числа фонем в сравниваемых морфемах двух языков. Если же морфема п е р в о г о языка испытала сильное сокращение своего фонемного состава (так, в древнеяпонском нет уже стечений согласных), как же можно д о сравнения установить, какой именно звук выпал? Очевидно, надо сначала восстановить п о л н у ю форму, а потом уже этимологизировать. Но Л. Г. Герценберг сравнивает Ма *tukə* «вода» с Т *buɣa* «верблюдо-производитель» (ЛГ, стр. 52), а Е. П. Лебедева считает, что Ту *му* само по себе значит «вода», а *kə* в Ма *муkə* восходит к кит. *хэ* «река» (ЕЛ, стр. 100). Но ряд — Ма *муkə*, нанай. *муэ*, Э *мү*, эвен. *му*¹⁹ — наводит на мысль, что *му* возникло в результате сокращения *муkə*. В живых маньчжурских диалектах *муkə* имеет вариант *тики*²⁰, а кит. *хэ* < *ka. В Э *муку* «проглотить; набрать в рот жидкости» (~Я *тики-т-* «отекать») удерживается более раннее *-и*. Мало того: К *муль* (< СК *tīl*) «вода», *му(ль)к-* «жидкий», эск. *мык/мылг-* «вода» (при Т *tīŋ-ar* «родник») дают возможность восстановить праформу *tīlki

¹⁴ «Древнетюркский словарь», Л., 1969.

¹⁵ Л. В. Дмитриева, Названия растений в тюркских и других алтайских языках, «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков», стр. 157.

¹⁶ См.: Н. А. Сыромятников, Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках, «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971, стр. 57.

¹⁷ S. E. Martin, Lexical evidence relating Korean to Japanese, «Language», 1966, 2. Далее эта работа обозначается SM + номер этимологии.

¹⁸ А. Рона-Таш, Общее наследие или заимствования? (далее — АР-Т); Л. Г. Герценберг, Об исследовании родства алтайских языков (далее — ЛГ); Е. П. Лебедева, Редуцированные и парные слова в маньчжурском языке (далее — ЕЛ).

¹⁹ Г. М. Василевич, Эвенкийско-русский словарь, М., 1958, стр. 258.

²⁰ K. Yamamoto, A classified dictionary of spoken Manchu with Manchu, English and Japanese indexes, Tokyo, 1969, стр. 15.

«вода» (ср. др.-русск. *молокита* «болото»... «связано с *молоко*», Фасмер, II, стр. 645).

Надо учесть и чрезвычайно широкое распространение этого названия воды/молока. О. Н. Трубачев приводит тохар. *talke* «молоко», и.-е. **melg-* «доить», араб. *m-l-g* «сосать грудь». Отмечая, что «носители праиндоевропейского языка не умели доить скот», он с полным основанием полагает, что **melg-* означало что-то другое, быть может, высасывание²¹. Ма, Э *муку-* «набрать в рот жидкость» (ср. ДЯ *рукит-*) подтверждает правильность этого мнения.

Прежде чем сравнивать Т *буҫра* (а лучше М *буҫира* как полную форму) с Ма *тики* «вода» надо решить, что такое *-ra*: если *-ra* — часть корня, то *буҫира* с *тики* вообще не сопоставимо. Если же *-ra* — суффикс, то надо его отделить и найти слова с тем же корнем без суффикса: Т *буҫи* «олень» (самец?), *буҫа* «бык-производитель» (> русск. *бугай*); ср. Э *бугу/бугэ* «изюбр-самец весною», Ма *буга* «изюбр», Э *бука* «олень-производитель». Выходит, что *буҫи/буҫа* — общеалтайское название самца парнокопытных, которое лишь относительно поздно было распространено на верблюда (утверждаем это, исходя из того, что производные слова появляются позже соответствующих простых). Выводы: 1) *б-* в тюркских названиях самцов ~ *б-* в других алтайских языках (а не *м-*); 2) сравнивать производное слово одного языка с простым словом другого можно только в случае отсутствия в первом языке простого слова с тем же корнем.

Е. П. Лебедева находит в маньчжурском сложные слова, состоящие якобы из двух односложных синонимичных корней: китайского и маньчжурского (или наоборот). При этом она ссылается на В. П. Васильева, который сто лет тому назад высказал такие мысли еще до Н. Я. Марра (ЕЛ, стр. 100). Но в XIX в. тунгусские языки еще не были изучены, а древнекитайский язык не был реконструирован. Тем не менее и тогда могло быть известно, что Ма *ахунь* «старший брат» не «парное слово», а чистый китаизм: в диалекте У *а-* является ласкательным префиксом терминов родства. Ряд слов с *а-* целиком заимствован в корейский язык: *ану* «бабушка». Точно так же кит. *а-сун* > Ма *ахунь*²², ДЯ *as'e/asö* — ласковое обращение к мужчине (некоторые возводят *as'e* к М *аһа*, но обычно *s* > *h*, а не наоборот). Е. П. Лебедева считает парным словом и Ма *агэ* «старший брат мужа» (тоже чистый китаизм), отмечая, что «это слово выражает особое уважение», — но это объясняется не «спаренностью синонимов», а значением китайского префикса *а-*, который Е. П. Лебедева неправильно возводит к корню *ха* в Ту *хала* «род; племя» (ЕЛ, стр. 100). Попытку расчленив *хала* предприняла ранее В. И. Цинциус²³. Однако существует способ проверить правильность деления на морфемы такого древнего (судя по значению) двусложного слова. Поскольку сложные слова появляются позже простых, они, как правило, не имеют соответствий в дальнеродственных языках. Так, ДЯ *suna* «песок» состоит из двух корней: *su* «отмель» (при *sur-* «тереть» ~ Т *sürt-*) + *na* «земля» (~ Ту *na* то же). Но хотя каждый корень слова *suna* имеет соответствия, сложное слово в целом их не имеет. Между тем Ма *хала* (< *кала ~ Э диал. *калан*) ~ нивх. *q'al*, яван. *kula* «род». В древнеяпонском *-kara* встречается в нескольких сложных словах на втором месте: *paragara* (*para* «живот» ~ И

²¹ О. Н. Трубачев, Происхождение названий домашних животных в славянских языках, М., 1960, стр. 9.

²² В насыщенной материалом статье В. З. Панфилова «Нивхско-алтайские языковые связи» (ВЯ, 1973, 5, стр. 10) приводится и Ма *ахань* «старший брат»; в наших материалах его нет.

²³ В. И. Цинциус, О названиях, связанных с понятием «народ» в тунгусо-маньчжурских языках, «Acta orient. Hung.», XV, 1—2, 1962, стр. 45—46.

perut) «единоутробные братья и сестры»; *ugara* (*um-* «рождать» ~ Т, М *umaj* «матка») «сородичи», *tömögara* (*tömö* «друг; вместе» ~ И *teman* «друг») «сотоварищи». Озвончение начального глухого второго компонента является действующим законом на протяжении всей известной истории японского языка. Подобно корейскому и китайскому (а, с другой стороны, айну и полинезийским языкам), японский имеет только один плавный сонант как особую фонему (-r-). Но сравнения с алтайскими и малайскими языками говорят о том, что в протояпонском были и -r-, и -l-. ДЯ *-kara* «род» < *kala. Ср. и Т *qalın* «толпа», М *qarin* «род» («Сокровенное сказание монголов»). Выходит, что *kala* — очень древнее общеалтайское слово, которое нельзя членить даже на прототунгусо-маньчжурском уровне.

Еще меньше оснований членить Э *ламу* «море» на кит. *ла* «вода» и Ту *му* «вода» (ЕЛ, стр. 101). Ни мне, ни опрошенным мною китайцам и тайцам китайская морфема *ла* «вода» неизвестна. Если и есть такой редкий корень, означающий что-то близкое к влаге, то он относится к сфере старописьменного языка, а бесписьменные в прошлом тунгусские народности могли воспринимать заимствования только изустно (общекитайское название воды — *шуй*). Утверждение, что тунгусы, живущие в тайге и на берегу Охотского моря, не имеют своего названия ни для дерева, ни для воды, ни для моря, требует, безусловно, разъяснений и по крайней мере — разбора других предложенных в печати этимологий слов *мō*, *мукэ* и *ламу*. Если бы *ламу* было «спаренным словом», оно не могло бы сокращаться в *лām*, иметь вариант *лāmэ*²⁴, переходить в эвенском языке в *нам* и т. п. Кстати, Е. П. Лебедева не отмечает долготы *a* в *ламу*, которая сохраняется во всех эвенкийских диалектах, по-видимому, учитывая, что в китайском нет долгих гласных фонем (ни в одном из многих тысяч китайизмов в японском нет долготы *a*). Если указать на долготу *a* в *ламу*, это будет говорить против признания *лā-* китаизмом.

На самом деле, *лāму/наму/нам* ~ ДЯ *пати* «волны», тайск. *нам* «вода», М *намаг* «болото» и т. д. Возникает вопрос, что здесь древнее — *l-* или *n-*? Н. Н. Поппе считает, что *n-* > *l-* под влиянием *-m-* следующего слога²⁵. Однако есть немало соответствий *l-* : *n-*, при которых второй слог начинается не с *-m-*, а с другого согласного: Э *луки-* «стрелять из лука» ~ ДЯ *ник-* «пронзать»; Э *лук-* «снять (одежду, обувь)» ~ ДЯ *ниг-* «снимать (платье, обувь)», Та *лугас* «оторвавшийся; опавший»; Э *луна-* «вонзить» ~ К *нуби* «стежка», ДЯ *пир-* «шить; прошивать», нивх. *нух* «игла», эск. *нүв-акя* «продевает», *нүв-ун* «кончик нитки» и др. Из системных соотношений более древним считает *l-* и Г. П. Мельников²⁶.

А. Рона-Таш полагает, что «... те, кто защищает идею генетического родства, склоняются к отрицанию возможности более ранних контактов и считают все соответствия, датируемые периодом до XIII в., общим наследием из протоалтайского языка» (АР-Т, стр. 31). Если кто-то (кто именно?) отрицает заимствования до XIII в., он, конечно, неправ. Но к алтайцам-японистам такой упрек не относится. Ниже будут предложены способы отличения исконных общностей от дописьменных (т. е. до VIII в.) заимствований, а также заимствований, сделанных в классическую эпоху и позже, когда в японском появились слова с начальными звонкими, двойными согласными, сочетаниями согласных *-nt-*, *-nd-*, *-mp-*, *-mb-*.

²⁴ Все это явления, характерные для конца неоднослобного слова (см.: Б. А. Сербренников, Вероятностные обоснования в компаративистике, М., 1974, стр. 65).

²⁵ Н. Рорре, Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I, Wiesbaden, 1960, стр. 74.

²⁶ Г. П. Мельников, Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики, «Проблема общности алтайских языков», стр. 72.

К относительно новым словам, появившимся в начале нашей эры, но до памятников древнеяпонского языка (VI—VIII вв.), относятся слова, обозначающие новые предметы материальной культуры, по археологическим данным не характерные для более ранней эпохи, — изделия из бронзы и железа (колокола, мечи)²⁷, сельскохозяйственные термины рисоводства и садоводства, а также все слова, удерживающие омертвевшие суффиксы алтайских языков, не сохранившиеся в более древних общностях.

Какое принципиальное значение имеет привлечение японских, корейских, индонезийских материалов?

1. С их помощью слова, считавшиеся только монгольскими (resp. тюркскими или тунгусскими), можно причислить к общеалтайскому фонду. Таковы: М *čisun* (< *ti-sun) ~ ДЯ *ti* (> новояп. *či*) «кровь»; М *čikin* «уха» ~ ДЯ *kik*- «слышать» (в ряде слов алт. *č* ~ ДЯ *k*: Т *ač*- «открывать» ~ ДЯ *ak*- «открываться»); Т *aq* «белый» ~ ДЯ *aka*- «красный; светлый»; Т *auiz* «рот» ~ ДЯ *agi* «жабры; верхняя челюсть», К *agaru* (*r'* ~ Т *z*) «дыра; пасть; рот», протоур. *aŋ «челюсть». В. З. Панфилов приводит также нивх. *ынг* «рот; пасть», Ма, Э *анга* «рот; пасть», М *ангайх* «разевать рот» и др.²⁸; (в Я -ŋ- — вариант фонемы *g*²⁹) Я *aŋ:uri* «широко (о разинутом рте)».

2. В ряде случаев удается установить связь с более широким кругом языков, чем только алтайские. После работ В. М. Иллича-Свитыча³⁰ уже нельзя думать, что алтайские, уральские, индоевропейские, картвельские и семитские языки совсем не имеют древних общностей. Минимально надо признать наличие известного слоя сходных корней (ономатопозитических, образотражательных³¹, культурных слов, но и не только их) у всех этих семей (включая корейский и японский). Так, и.-е. корень *pī «пить» ~ ДЯ *pit*- «намокать», *pit-as*- «намачивать; про-пит-ывать; воспит-ывать; вскармливать (ребенка)», *pit-ar*- «расти; становиться взрослым», эск. *pītu-n* «растение»³², Т *bat*- «погружаться»; и.-е. **pel/ple* ~ ДЯ *pī/pō-*, К *pul* < СК *pīl*, коми *би* «огонь».

На вопрос, можем ли мы быть уверены в том, что в протояпонском языке был именно тот согласный, который сохраняется в других языках, надо ответить, что согласный часто удерживается в двусложных формах глаголов: ДЯ *pī/pu-r*- «сохнуть», *pō-s*- «сушить» (то же чередование *i/ö*, что и в имени *pī/pō-* «огонь»); *ki* «приходя» (~ Т *kel-/kil*- «приходить»; К *киль* «дорога»), но *ku-r-и* «приходящий» (~ М *kūr*- «доходить; заходить»). Праформы *kil, *kūr-ü. Тут нет противоречия, так как конвергенция $r \times l = r$ проходила в протояпонском, как нам представляется, через «корейскую стадию» (в корейском -*r*- и -*l* представляют собой позиционные варианты одной фонемы: -*l* встречается в конце слога).

Не следует ли сначала восстановить более раннее, чем древнеяпонское, общепонское произношение морфем, а затем уже сравнивать их с праалтайскими формами? Но звучание морфем VIII в. восстановлено, конечно же, с учетом диалектов. Путем сравнения последних можно восстановить несколько более старые формы лишь части корней. Более ценные данные

²⁷ См.: С. А. А р у т ю н о в, Этническая история Японии на рубеже нашей эры, «Труды Ин-та этнографии [АН СССР]», XXIII, М., 1961.

²⁸ В. З. П а н ф и л о в, указ. соч., стр. 10.

²⁹ Н. А. С ы р о м я т н и к о в, Система фонем японского языка, «Уч. зап. ИВ АН СССР», IV, М., 1952, стр. 290 и сл.

³⁰ В. М. И л л и ч - С в и т ы ч, Опыт сравнения ностратических языков, М., 1971. Японский материал он почти не привлекает.

³¹ См.: В. И. А б а е в, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I — М.—Л., 1958, II — Л., 1973.

³² Е. С. Р у б ц о в а, Эскимосско-русский словарь, М., 1971, стр. 417.

мы ждем от диалектов в лексическом отношении: многие слова алтайского и малайского происхождения, надо думать, сохраняются в диалектах, но отсутствуют в литературном языке. Новый японский двадцатитомный толковый словарь дает только все слова литературного языка, начиная с самых древних памятников, но и диалектизмы³³. Когда он выйдет из печати полностью, число обнаруженных алтаизмов этимологи смогут значительно пополнить.

Много нового материала для алтаистики можно будет почерпнуть из «Большого корейско-русского словаря» под ред. Л. Б. Никольского, который выходит из печати в 1975 г. в двух томах. По этому словарю можно будет отличить китаизмы от «исконных корейских слов», так как последние не будут сопровождаться иероглифами. Набирается «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» в двух томах под ред. В. И. Цинциус. Закончен «Этимологический словарь монгольских языков» под ред. Г. Д. Санжеева, где даются тюркские, тунгусо-маньчжурские и (частично) корейские параллели. Вышел из печати I том трехтомного «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна. Таким образом, алтаистика получает огромный новый фактический материал почти по всем отраслям.

Для игнорирования японских данных нет причин. Если даже все японские и корейские общности с другими алтайскими языками оказались бы на поверку заимствованиями, все равно их так много и большая их часть вошла в эти языки так давно, что ими стоит заняться. Ведь именно на стыках наук (в данном случае алтаистики и японистики) можно ожидать новых достижений в первую очередь. Единственный алтаист, привлечший японский материал, Г. Е. Корнилов, уточняя булгаро-чувашско-венгерские лексические параллели, только в первом томе использовал 148 примеров из древнеяпонского языка³⁴. Для сравнения напомним, что в таких, по общему мнению, родственных языках, как китайский и тибетский, обнаружено пока лишь несколько десятков старых общих корней.

Естественно поставить вопрос: как проблема родственных связей японского языка трактуется японскими лингвистами? Ведь языкознание стоит в современной Японии на высоком уровне. Новый 20-томный словарь не указывает источник ни дописанных, ни сделанных в историческое время заимствований из алтайских языков. Хотя вопросам этимологии в нем уделяется достаточно места (приводятся практически все предложенные японскими учеными этимологии каждого простого некитайского слова), но алтайских и малайских параллелей как раз не хватает (возможно, это вызвано нежеланием демонстрировать вклад иностранных лингвистов).

Характерно, что Государственный институт родного языка не занимается исследованием иноязычного происхождения японских корней и формантов. Вплотную этот вопрос изучают ныне лишь немногие японские лингвисты и среди них — алтаист Мураяма Ситироо. Дав ряд ценных статей по сравнению древнеяпонских слов с алтайскими, Мураяма в последние годы переключился на изучение индонезийского ингредиента в древнеяпонском языке³⁵. Вполне разделяя правильную точку зрения

³³ «Nihon-kokugo-daijiten», Tōkyō, 1973 —.

³⁴ Г. Е. К о р н и л о в, Евразийские лексические параллели, 1. Чебоксары, 1973. Все древнеяпонские и индонезийские морфемы цитируются без единой ошибки.

³⁵ М и г а у а м а S h., О б а у а ш и T., Nihongo-no kigen («Происхождение японского языка»), Tōkyō, 1973; М и г а у а м а S h., Nampōgo to nihongo («Южные языки и японский язык»), «Kodai-nihongo-no maui» («Загадки древнеяпонского языка»), Tōkyō, 1973.

Е. Д. Поливанова на смешанный характер японского языка, Мураяма занимается лишь древними общностями, не принимая во внимание, что контакты с алтайскими и индонезийскими языками продолжали оказывать влияние и в историческое время. В результате он приходит к выводу о сравнительной немногочисленности алтаизмов в японском³⁶. Р. Э. Миллер в рецензии на книгу Мураяма говорит о предпочтительности немногих точных соответствий многим лишь приблизительно сходным словам³⁷, что справедливо для конкретной работы отдельного этимолога. Но если речь идет об общем выводе, о том, имеем ли мы право отвергнуть общепринятое положение об изолированности японского языка или нет, количество фактов-аргументов приобретает первостепенное значение. Если бы общих слов у древнеяпонского с другими было бы ровно столько, сколько приведено в книгах Мураяма, то этот язык следовало бы признать изолированным, а все приведенные там сопоставления объяснить заимствованием. Но, в действительности, их гораздо больше.

Огромное значение имеет наличие у сравниваемых языков о б щ и х ф о н е т и ч е с к и х з а к о н о в. Е. Д. Поливанов полагал, что в японском нет сингармонизма. Да, в склонении нет. Но древние форманты побудительного и страдательного залогов (они же показатели соответственно переходных и непереходных глаголов) уподобляются по гласному корню: *nōk-ōs*- «оставлять», *nōk-ōr*- «оставаться» (~ эвен. *нэжу* «временно оставленное имущество», М *nōge*- «запасать», К *nēk-nēk* «обильный», SM 231), но ДЯ *mak-ar*- «идти»; направляться [~ Т *maŋ-la* «шагать; идти; странствовать», эск. *mak'a* «течь» (сущ.)], ДЯ *ut-ur*- «переезжать; отражаться (о лучах)» (~ Т *uturu/utru* «напротив; навстречу»), *ut-us* «перемещать; отражать» (халха *тус-ах* «попадать» → «отражаться; падать» — о лучах).

Одинаковая огласовка внутри каждого из многих сотен двусложных и трехсложных слов (типа *atama* «голова», *tōkōrō* «место») может быть результатом уподобления гласных в составе одной морфемы. Такой сингармонизм свойствен скорее малайским языкам³⁸. Это влияние субстрата.

Наряду с прогрессивной ассимиляцией гласных в японском есть немало примеров и регрессивной ассимиляции. Это явление роднит японский с монгольскими и другими алтайскими языками, но не имеет тотального характера. Именно поэтому оно остается непризнанным. Даже Мураяма возражает тем, кто находит «перелом гласного *i*» в японском. Он аргументирует это тем, что если в ч а с т и к о р н е й признать уподобление *i/i* первого слога гласному второго, то в языке, где ассимиляций не произошло, *i* может соответствовать чуть ли не любому гласному других. Но вряд ли можно признать этот аргумент убедительным. Наличие дублетов в тюркских и японском (типа Т *qiznaq/qaznaq* «казна» ~ ДЯ *kazi* «число», но *kizi* «зарубка») с очевидностью свидетельствует о том, что они имеют общее происхождение, но могут приобретать и свои оттенки значения³⁹. Тюркологи возводят М *čilayun* к Т *tāš* «камень» (АР-Т, стр. 33). Но теория «перелома гласных *i* и *ï*»⁴⁰ говорит об обратном развитии: *i* оказывается более ранним звуком. Добавим еще К *толь* «камень», Э *дѣло* «большой камень», Я *to-isi* «точильный камень» (ДЯ *isi* «камень» ~

³⁶ M u r a y a m a S h., O b a u a s h i T., Nihongo-no kigen, стр. 18, 207.

³⁷ R. A. M i l l e r, The origins of Japanese, «Monumenta Nipponica», XXIX, 1, Токуо, 1974, стр. 102.

³⁸ См.: Л. Г. З у б к о в а, О гармонии гласных в индонезийском языке, «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1970.

³⁹ См.: Н. А. С ы р о м я т н и к о в, О переломе гласных *i* и *ï* в японском языке, «Вопросы японской филологии», 2, М., 1973.

⁴⁰ Г. Д. С а н ж е е в, Сравнительная грамматика монгольских языков, 1, М., 1953, стр. 104—114.

коми из). Видимо, *дѣло* из *дило (отсюда палатализация и аффриканизация первого согласного) < *дыло, *К толь* < *толо < *тыло, а *Я то* < *К толь*.

«Законы утрат» при переходе от протояпонского к древнеяпонскому языку (под протояпонским понимаем алтайский язык переселенцев с материка до воздействия на него субстратных языков) можно сформулировать следующим образом.

1. Утрачивались все конечнослоговые согласные (в начале слога и раньше стечений согласных не было): нанайск. *палган* «ступня» ~ *К палъ*, ДЯ *ragi* «нога; голень» (в корейском — тенденция к превращению двусложного слова в односложное); М *dargil* ~ ДЯ *tagi/taki* «быстрое течение»⁴¹ (ср. и.-е. *tek^u*-«теку»), Я *tagir-* «бурлить; кипеть».

2. Если выпавший согласный был глухим или сонорным, следующий за ним начальнослоговой остается глухим: Э *инаму-кта* > ДЯ *namita* «слезы» (сохранение омертвело́го суффикса говорит о заимствовании в дописьменную эпоху); нанайск. *калта* «эта сторона; половина чего-либо»; М *qalta-yai* «половина», чув. *ката* «край», *К кару-* «делить» ~ ДЯ *kata* «сторона; плечо» (Г. Рамстедт еще в 1924 г. считал такое сопоставление «очень правдоподобным»⁴²); Э *арпу-кй/арпо-кй* «плавник; махалка» ~ ДЯ *apuki* > *augi* > *wōgi* > *ōgi* «веер (нескладывающийся)», т. е. *-k-* озвончилось впоследствии как начальный глухой второго компонента. Но в современном языке *-gi* уже не воспринимается как суффикс. Поскольку на *-i* оканчиваются многие отглагольные имена, еще в древнеяпонском языке от этого слова по аналогии был образован глагол *арик-и* «вевать; раздувать», который ныне звучит *aogi* (а не *ōgi*), что невозможно объяснить без привлечения эвенкийского дублета *апоки* «плавник».

3. Если выпадал звонкий согласный, следующий за ним глухой в древнеяпонском языке озвончался: М *qabsa-* «дуть (о сухом холодном ветре)»⁴³, Т *qabša-* «приходить в движение» ~ ДЯ *kaze/kaza-* «ветер»; М *tobči-* (< **tobti-*) «застегнуть» ~ ДЯ *todi* (< *todī) «закрывая». ДЯ *todī* и Э *монты* «пуговца» предполагают более древнюю монгольскую форму **tobti-*. Т *topu-* «накладывать» и *К мон-* «укрывать; накрывать» говорят о том, что второй слог в монгольском, японском и эвенкийском словах может восходить к древнему суффиксу. Ср. ДЯ *to* «дверь» (где тоже гласный *o*, а не *ō*), *top-* «спрашивать; навещать (открывая и закрывая дверь)».

Разумеется, корень слова на протяжении его многовековой истории может несколько видоизмениться. Следует согласиться с Э. А. Макаевым, возражающим против «смешения общеиндоевропейского уровня и уровня отдельных индоевропейских языков»⁴⁴. В приложении к алтайской проблематике это важное положение следует всемерно учитывать. Так, уже в ДЯ *jörökōb-* «радоваться» основа равна корню. Но якут. *дьол* «счастье, удача», *дьолго/дьолбор* «к счастью», Э *дѣлог* «счастливый» указывают на многоморфемность основы глагола *jörökōb-ur-* на алтайском уровне и позволяют восстановить три первых слога в виде **jölökō-*, а *К*

⁴¹ Sh. Ozawa, A comparative study of some words in Old Japanese and Middle Mongolian, Tokyo, 1968, стр. 119—120 (на япон. яз.).

⁴² G. J. Ramstedt, A comparison of the Altaic languages with Japanese, JSFOu, 55, 1951, стр. 13.

⁴³ М. Н. Орловская, Г. Д. Санжеев, Э. В. Швернина, Этимологический словарь монгольских языков (рукопись).

⁴⁴ Э. А. Макаев, Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970, стр. 183.

чыльгэн- «веселый; радостный» (SM, 75) и М *jüriga > jürya > халха, бурят. жаргал «счастье» подтверждают перелом гласного *i* в первых двух слогах, т. е. дают возможность восстановить раннепрото японскую форму в виде *jüliköb-. Родственным корнем обладает ДЯ jörö-si «хороший» (~ Э дёмочи «счастливый»), в котором можно выделить словообразовательный суффикс ряда прилагательных -si. Но наличие jörösi не дает нам права вслед за С. Э. Мартином членить jörököb- на jörö- и -köb- (SM, стр. 231; *jörö-keb). Ведь в других глаголах такой суффикс не обнаруживается. Мураяма отмечает, что ДЯ jörököbi «радость» имело на конце -i, т. е. было именем от глагола 2-го спряжения (на -i/-u-ru)⁴⁵. С М jürya сопоставляют и Т jür «песня», jür-la- «петь» (развеселившись). Как бы то ни было, широкие лексические связи всех алтайских языков не подлежат сомнению.

Почему же тогда они не имеют общих числительных, как индоевропейские и индонезийские языки? Вероятно, в результате т а б у на счет — явления, свойственного всем охотничьим народам. Структура японских числительных до восьми оригинальна⁴⁶, но не менее половины названий чисел первого десятка имеют соответствия в других языках. Видимо, тюркское bir/pir «1» пришельцев с материка было отождествлено аборигенами с pitö «7» субстратных языков. Pitö стало обозначать «1», а место семи освободилось. Оно было занято заимствованием nana < Э диал. надна (разумеется, исконная редупликация в названии нечетного числа маловероятна, — тото «сто» — четное число). ДЯ töwö «10» Р. Э. Миллер сопоставляет с Ма и прототунг. žiwan «10», но глагол töwö-m/ta-wa-m «сгибать (пальцы при счете)» дает возможность сопоставить töwö и с бурят. таба «пять» (халха тае-ай «лапа» — с пятью пальцами, ср. русск. пятерня). Наконец, jö «4» сопоставляют с М dörben, прототунг. dü-gün «4»⁴⁷.

Здесь мы подходим к важнейшему вопросу: когда в алтайских языках прекратилось образование новых корней? Конечно, все языки продолжают увеличивать общее число корней за счет заимствований, аббревиатур, переразложения и аналогичных процессов. Но не образовывались ли корни путем деформации исконных более ранних морфем, близких по значению? Б. А. Серебренников напомнил удачную этимологию Шлейхера: лат. duo «2» > dubitare «сомневаться»⁴⁸. В древнеяпонском puta «2» > uta-gar- «сомневаться» (ср. sita «низ» > sita-gar- «следовать за»). Почему же деформирован корень puta? Разве мало было суффикса? Видимо, корнеобразование было еще живым процессом, и такая деформация оказалась нужной для различения основного и отщепившегося корня. Некоторые лингвисты (А. Б. Долгопольский) готовы отнести все факты корнеобразования к древнейшим временам. Но, думается, это вовсе не разовый процесс. Образование новых корней происходило и в раннем древнеяпонском, поскольку имена в нем были почти полностью лишены словообразовательных аффиксов. В ряде случаев история материальной культуры подсказывает нам, какой из близких корней древнее. Не могли появиться одновременно ДЯ kamё «кувшин» и kama «металлический котел» (~ И га-тих «кувшин для воды», Т qatё «ковш», Э камит «берестяной короб; сумка для котла», К кама «котел»). Независимо от того, где впервые воз-

⁴⁵ М у р а я м а S h., Nihongo-no gogen, стр. 138.

⁴⁶ См.: Н. А. Сыромятников, Определение родственности корней, ВЯ, 1972, 2, стр. 114.

⁴⁷ R. A. Miller, The Japanese reflexes of Proto-Altaic *d-, *ʒ- and ʒ-, Journal of the American Oriental Society, 88, 4, 1968, стр. 754.

⁴⁸ Б. А. Серебренников, указ. соч., стр. 19.

никло слово *kata* «котел» — в Японии или в Корее, древние японцы воспринимали *kata* как название предмета, функционально близкого *katē* «кувшин», как родственный корень. Можно с уверенностью утверждать, что трехсложные слова на *kata-*, обозначающие вместилище, возникли еще позже. Так, ДЯ *katado* «очаг» (со встроенным котлом) похоже на чув. *камака* «печка», Та *kalan* «печь; очаг (из глины)», кирг. *коломто* «очаг», Э *калан* «котел», Та *kawa* «котел». Но третий слог (древний суффикс?) не везде будет одинаков.

Разумеется, в обнаруженных общностях еще не все ясно. Так, ДЯ *midu* «вода» не поддается объяснению (ожидалось бы *mīgu). ДЯ *idura* ~ монгор. *piduri/piduru* «перепел»⁴⁹, т. е. в японском почему-то отсутствует *p-*. Тем не менее, имеющиеся параллели позволяют сделать следующие выводы:

1. Письменные памятники японского и корейского языков содержат значительное число общеалтайских слов. Дальнейшее игнорирование этого факта не может быть оправдано.

2. Поиски общих морфем должны вестись фронтально: изучаемая морфема должна быть взята во всех языках, в которых она встречается. Попарное сравнение менее эффективно. Так, Е. Д. Поливанов находил, что тагальский префикс *ta-* (образующий прилагательные) идентичен японскому префиксу интенсива *ta-*⁵⁰. Не отрицая материального единства обоих формантов, следует отметить, что с у ф ф и к с *-ma* играет ту же роль в эвенкийском языке, т. е. образует прилагательные, причем интенсификация их качества выражается удвоением *-ma*: *ая* «добро», *аяма* «хороший», *аямама* «очень хороший»⁵¹. Е. Д. Поливанов полагал, что удлинение глухого или сонанта после *ta-* в японском — результат древней «редупликации, сократившейся до минимума»⁵². Не соглашаясь с этим, я думал, что удлинение — результат эмфазы⁵³. Но если даже оно воспринимается так сегодня, исторически это след ассимилировавшегося согласного: К *ман-* «самый», доперм. *med-* «наи-; самый», М *tōn* «истинный; настоящий», ойрот. *ен* «самый; наи-»⁵⁴. Выходит, что сравнение общей морфемы только в двух языках может привести к неверным выводам.

3. Общие грамматические морфемы доказывают близость языков еще больше, чем общие лексемы. ДЯ *-ra* (суффикс множественности) ~ Т *-lar*, дунсян. *-ла*, негид. *-ла*, М *-nar* и т. д.; ДЯ *-rasi* «по-видимому» < И *rasa* «чувство; по-видимому» (в древнеяпонском *-rasi* превратилось в суффикс, так как в анлауте *r-* было еще невозможным); Я *-taki* суффикс желательного наклонения ~ К *тагы-* «страстно желать», И *tagih* «сильно желать» (в японском *-ki* было приравнено к суффиксу определительной формы прилагательных *-ki* ~ Т *-qī/-ki/-yī/-gi* аффикс прилагательных времени, места); Я *-take* «только» ~ Т *tek* (наречие) «только», эвен. *-такан/-тэжэн* (частица) «только» и др. Важно, что эти общности не принадлежат только к древнейшему слою, а продолжают появляться и в историческое время.

⁴⁹ С. Х а т т о р и, Начальные взрывные в протомонгольском языке и их дальнейшее развитие, «Исследования по восточной филологии», М., 1974, стр. 274.

⁵⁰ Е. Д. П о л и в а н о в, Одна из японско-малайских параллелей, в его кн.: «Статьи по общему языковедению», М., 1968, стр. 143—144.

⁵¹ Г. М. В а с и л е в и ч, Грамматический очерк эвенкийского языка, в ее кн.: «Эвенкийско-русский словарь», стр. 769—771.

⁵² Е. Д. П о л и в а н о в, указ. соч., стр. 144.

⁵³ Н. А. С ы р о м я т н и к о в, Система фонем японского языка, стр. 307—309.

⁵⁴ Соответствие: урало-алт. *m-* ~ Т *σ-* находим в ряде морфем. Опускание *m-* — одно из средств устранения сонанта в тюркском анлауте: ДЯ *mak-* ~ Т *ek-* «сеять», ДЯ *mēgur-* «кружиться» ~ Т *egir* «окружать» и др.

Разумеется, это можно объяснить не только новыми контактами, но и сохранением соответствующих морфем в диалектах.

4. Не может быть и речи о расчленении двусложных морфем, употребляющихся истари в ряде полисиллабических языков, на односложные корни моносиллабического типа, особенно если они восстанавливаются гипотетическим путем. Так, эск. *нықа* «еда; мясо» ~ ДЯ *nygë-kat-* «жевать жвачку», К *ныгыт-* «быть удовлетворенным», гавайск. *niho*, нивх. *нылс* «зуб», тюрк. *ныта-* «набивать» (во что, Радлов), т. е. эта двусложная морфема неразложима⁵⁵.

5. Даже редупликации не подлежат расчленению на уровне данного языка, если повторяющийся элемент в нем отдельно не употреблялся. Так, ДЯ *mimi* «ухо, уши», конечно, есть результат редупликации потому, что представляет собой название парной части тела (ср. *тото* «ляжки», *titi* «грудь; титьки», *poro* «щеки» ~ И *piri*, *pukipukusi* «легкие»). Однако в японском, где нет грамматических чисел, мы не вправе восстанавливать форму *mi, несмотря на наличие соответствия — нивх. *мы-дь* «слушать».

6. В традиционных японских этимологиях обычно не учитываются соответствия в других языках, простые слова объясняются как сокращения сложных. А между тем очевидно, что та же морфема в других языках указывает нам границы вариативности протоморфемы данного языка. Морфема протояпонского языка не может отличаться от морфемы древнеяпонского больше, чем отличается от нее та же морфема в других языках. Поискам этимологов тем самым ставится определенный предел как в смысле фонемного состава, так и семантически.

7. «Умеренный антиалтаист» (как он сам себя называет) Г. Дёрфер настаивает на том, что общности между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками объясняются направленностью заимствований на восток: из тюркского в монгольский, а оттуда в тунгусо-маньчжурские языки. Если бы это было так и только так, алтаизмы в корейский должны были поступать из соседних тунгусо-маньчжурских языков, а в японский — из корейского. Действительно, современная географическая карта как бы подкрепляет эту точку зрения. Возможно, если бы все эти народы всегда жили на тех же местах, что и ныне, так бы оно и было. Но исторические и лингвистические данные говорят о другом: можно привести целый ряд слов, непосредственно заимствованных японцами от тюрков (ДЯ *nisi* «запад» < Т *en-iš*, *kagë* «тень» < Т *kölgä*), от монголов и тунгусов (см. выше). Критикуя Р. Э. Миллера (нередко правильно, — в частности, за фонетические соответствия, подкрепленные всего одним примером), Г. Дёрфер не конкретизирует, какие же именно его сопоставления он считает приемлемыми⁵⁶. Но разбор вышедших книг по сравнению японского языка с другими — тема особой работы.

8. Японский материал подкрепляет мнение о том, что по краям региона родственных языков обычно сохраняются старые значения, а в центре появляются новые. Так, ДЯ *sira-* «белый» ~ чув. *шурă* «белый» при М *šira* «желтый»; ДЯ *ja* «стрела» ~ манси *n'al'* «стрела» при Т *ja* «лук» и т. п.

⁵⁵ Ср.: Г. А. Меновщиков, Эскимосско-алеутские языки и их отношение к другим языкам, ВЯ, 1974, 1, стр. 48. Автор упоминает сравнения Р. Раском японских слов *kaji*, *kashi* со словами других «ностратических языков» (стр. 53). Но в действительности это китаизмы.

⁵⁶ G. Doerfer, Ist das Japanische mit den altaischen Sprachen verwandt?, ZDMG, 124, 1, 1974.